



ELSEVIER



Available online at [www.sciencedirect.com](http://www.sciencedirect.com)

ScienceDirect

Slavic Literatures 144–145 (2024) 161–186

Slavic  
Literatures

[www.elsevier.com/locate/slalit](http://www.elsevier.com/locate/slalit)

ПРИЕМЫ (ПРИ)(О)СВОЕНИЯ  
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В МЕМОУАРАХ  
С.К. МАКОВСКОГО *НА ПАРНАСЕ*  
*СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА*: ЭССЕ О  
Н.С. ГУМИЛЕВЕ

METHODS OF APPROPRIATION OF  
CULTURAL MEMORY IN  
S.K. MAKOVSKY'S MEMOIRS *ON THE*  
*PARNASSUS OF THE SILVER AGE*: ESSAY ON  
N.S. GUMILEV

Александра Чабан (Alexandra Chaban) <sup>a,b,\*</sup>

<sup>a</sup> *Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»,  
Москва, Российская Федерация*

<sup>b</sup> *HSE University, Moscow, Russian Federation*

Available online 1 February 2024

\* Correspondence to: Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа  
Экономики», Москва, Российская Федерация.

*E-mail address:* [achabanlit@gmail.com](mailto:achabanlit@gmail.com).

<https://doi.org/10.1016/j.slalit.2024.01.003>

2950-3965/© 2024 Elsevier B.V. All rights reserved.

---

**Abstract**

The article is based on the drafts (in notebooks and typescripts) of S. Makovsky's essays about N. Gumilev. It investigates the author's strategies for interaction with the public sphere of the Russian diaspora and his ways of representing Gumilev's image. Numerous edits and the frequent absence of references to sources show that the author perceived the memoirs of his predecessors as a common cultural memory, which his memoirs served to confirm.

© 2024 Elsevier B.V. All rights reserved.

*Keywords:* Cultural memory; Silver age; Russian first-wave emigration;  
Literary representation; Sergey Makovsky; Nikolay Gumilev

---

С.К. Маковский (15(27).08.1877–13.05.1962) – поэт, искусствовед, главный редактор журнала *Аполлон*, в эмиграции один из редакторов *Литературно-политических тетрадей Возрождения*, известен также рядом мемуарных очерков, собранных в книги *Портреты современников* (Нью-Йорк, 1955) и *На Парнасе Серебряного века* (Мюнхен, 1962). Содержание воспоминаний, местами весьма спорное, вызвало резкую отповедь современников, живших в Советском Союзе. В частности, широко известен протест А. Ахматовой (1996, с. 146), в записных книжках назвавшей Маковского «абсолютно впавшим в детство, [но почему-то] злобствующим, умирающим от зависти».<sup>1</sup> Как представляется, в ее комментарии отразилось не только несогласие с интерпретацией некоторых фактов ее собственной жизни, но и конфликт противоположных взглядов на историко-литературный процесс Серебряного века, в очередной раз подчеркнувший противостояние двух литературных лагерей – метрополии и эмиграции.

Если позиция Ахматовой достаточно подробно изучена исследователями (см., к примеру: Лекманов, 2000; Тименчик, 2014), то мемуары Маковского оставались пока на периферии их внимания.<sup>2</sup> Между тем воспоминания, а также сохранившиеся черновики и машинопись помогают наглядно представить механизмы взаимодействия автора с публичной сферой русского зарубежья, устанавливая как основные идеологические векторы эмигрантского сообщества, так и прагматику самого Маковского. Наиболее полно черновики сохранились для эссе о Н. Гумилеве, поэтому сосредоточимся на этом тексте и его вариантах, рассматривая также особенности репрезентации образа Гумилева.

Начиная с 1920-х годов мемуары становятся одним из наиболее важных жанров для русских модернистов как в СССР, так и за рубежом.

Создавая воспоминания, многие литераторы надеялись выстроить наиболее подходящую для наступившей эпохи модель саморепрезентации, объясняя свои прежние убеждения или встраивая себя в нужный литературный контекст (см., к примеру: Михайлова, 1999; Пильд, 2010). Для других важной оказывалась сама концептуальная составляющая мемуаров, где главный акцент ставился на осмыслении общей картины прошедшей эпохи (Лавров, 1989). В этом ряду Маковский занимает особую промежуточную позицию.

Работа над воспоминаниями о Гумилеве относится к последним годам жизни Маковского. Первое эссе о поэте опубликовано в книге *На Парнасе Серебряного века*,<sup>3</sup> а машинопись нового очерка 'Николай Гумилев по личным воспоминаниям' помечена февралем 1962 года.<sup>4</sup> Со смертью главных столпов эмиграции к 1950-м годам Маковский во многом перенимает роль литературного мэтра<sup>5</sup> и начинает активно взаимодействовать с литературно-общественной средой. Помимо редакторской и издательской деятельности, он оказывает протекцию литераторам,<sup>6</sup> выпускает собственные книги, начинает читать публичные лекции, которые затем перерабатывает в эссе. Каждая лекция Маковского сопровождается подробной рекламой-анонсом (см., например: <П.К.>, 1957а, 1957б) и последующим отчетом в главной эмигрантской газете *Русская мысль* (Форштетер, 1957). Наивысшей кульминации слава Маковского достигает к 1957 году, когда был пышно отпразднован его 80-летний юбилей (Чествование, Без подписи, 1957). Несмотря на столь разнообразное поле деятельности, укреплению общественного статуса Маковского в большей мере послужило именно его дело мемуариста, которое он очень тщательно прорабатывал.

Прежде чем приступить к созданию очерка, Маковский провел кропотливую работу по сбору информации. Помимо составления детального плана и чтения мемуаров других эмигрантов-литераторов, он обновил свои знания о текстах, которые собирался включить в воспоминания. Сохранилось несколько записных тетрадей. Так, тетрадь с заглавием *С.К. Маковский. Заметки и выписки. Андрей Белый. I*<sup>7</sup> содержит подробный конспект статьи М. Кузмина 'О прекрасной ясности' и полностью переписанную от руки статью В. Жирмунского 'Преодолевшие символизм'.<sup>8</sup> Наиболее концептуально важные, по мысли автора, фрагменты из этих текстов включены в эссе.<sup>9</sup> Встречается и обратная ситуация: несколькими вопросительными знаками он сопроводил замечания Жирмунского о немзыкальности поэзии Ахматовой, чтобы в своих воспоминаниях, отмечая особую мелодичность ахматовских текстов, поспорить с литературоведом, не апеллируя напрямую к его имени.<sup>10</sup> Этот прием имплицитной полемики станет одним из ведущих в эссе Маковского.

Отдельную тетрадь занимают выписки стихотворений Ахматовой.<sup>11</sup> Наряду со сборниками *Вечер* (1912), *Четки* (1914), *Белая стая* (1917), *Подорожник* (1921), *Anno Domini* (1923), которые могли быть доступны в эмиграции, в записной книжке встречаются некоторые тексты из сборников *Из шести книг* (1940) и советских журналов 1940-х гг. На последней странице Маковский резюмирует:

Анна Ахматова выпустила семь книг стихов: «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Anno Domini MCMXXI» (1923), «Из шести книг» (1940) и в 1943 году – «Избранные стихи», куда вошли стихи военных лет (от составителя М. Эфроса).<sup>12</sup>

В приведенной библиографии обращает на себя внимание ряд неточностей. Во-первых, Маковский неверно воспроизводит названия нескольких книг Ахматовой. Так, книга стихов *Anno Domini MCMXXI* вышла в 1921 в Петрограде, а в 1923 в Берлине была издана ее расширенная версия, но с укороченным заглавием – *Anno Domini* (Гончарова, 2000, с. 229–230). Вышедший в Ташкенте в 1943 г. сборник имеет также несколько другое название: *Избранное* и подзаголовком ‘Стихи’ (стихи военных лет там действительно напечатаны). Однако подготавливали ташкентское издание А. Тихонов и К. Зелинский; имя Зелинского как составителя указано на титульном листе книги. Появившееся тут имя М. Эфроса также ошибочно: по всей видимости, под ним подразумевается А.М. Эфрос, литератор и пушкинист, составитель рукописной подборки *Стихи, не вошедшие в ее книги*<sup>13</sup> (сделанной, однако, тоже в Ташкенте и, которую, безусловно, не стоило включать в библиографию).<sup>14</sup> Учитывая сложную судьбу распространения *Избранного* в Советском Союзе,<sup>15</sup> упоминание об этой книге в эмиграции, тем не менее, представляется особо интересным. Ошибки автора позволяют предположить, что за рубеж сведения о сборнике дошли в виде некоторых отдельно переписанных стихотворений.<sup>16</sup>

Обращают на себя внимание также пометы, сделанные напротив многих выписанных ранних текстов Ахматовой. Так, рядом со стихотворениями ‘В последний раз мы встретились тогда...’, ‘Муза’, ‘Сжала руки под темной вуалью...’ и ‘Помолись о нищей, о потерянной...’ стоит помета «Гумилеву», рядом со стихотворением ‘У меня есть улыбка одна...’ написано – «Гумилеву?», ‘Проплывают льдины, звеня...’ – «Гумилеву?»<sup>17</sup> нет и ‘О нет, я не тебя любила...’, ‘Так дни идут, печали умножая...’ – «кому?».<sup>18</sup> Содержание очерка показывает, что Маковского чрезвычайно волновала проблема адресата ранней ахматовской лирики, поскольку этот вопрос напрямую связан с основными принципами, по которым создавался очерк. Эту специфику описывает А.В. Лавров (1994, с. 481):

Очерки М. заключают в себе, как правило, сплав собственно мемуарных зарисовок и критических эссе, попытку создания интеллектуальных портретов, претендующих на объективность видения и целостность воссоздания индивидуального образа. Их компоненты складываются из личных впечатлений автора и его аналитических построений – ретроспективных размышлений о делах и судьбах представителей «предреволюционного Парнаса» и века «мятежного, богищущего, бредившего красотой».

Оставляя в стороне вопрос об объективности автора, вслед за исследователем заметим, что биографическую канву жизни своего центрального персонажа Маковский стремится описать, опираясь в первую очередь на стихотворные тексты. Их автор воспринимает как главный личностный документ:

Я не хочу слишком уточнять перипетий семейной драмы Гумилевых. К тому же каждому, знающему стихи, какими начинается «Чужое небо» и каких много в сборниках Ахматовой – «Вечер» и «Четки», не трудно восстановить эту драму и судить о том, насколько в этих стихах все автобиографично. Но несмотря на «камуфляж» некоторых строк, стихи говорят сами за себя (Маковский, 2000, с. 222).

В очерке Маковский располагает стихотворения Ахматовой и Гумилева таким образом, чтобы они выстраивались в единую картину их совместной жизни. Безусловно, при таком подходе неизбежно возникали различные натяжки и домыслы. Приведем несколько примеров из удаленных фрагментов, ярко демонстрирующих широкий диапазон догадок о специфике семейной драмы Ахматовой и Гумилева:

Но, по-видимому, этот и «другой» не так любил ее, как требовала ее любовь. Все сказано Ахматовой в этом восьмистишии (из «Вечера»):

Настоящую нежность не спутаешь [...].

Во всяком случае встреча с «тем другим» оказалась решающим событием в жизни и ее, и Гумилева. Удивительно тонко и скорбно взволнованно описывает Ахматова в одном из стихотворений «Вечера» драматическое свидание с мужем (после того, как она призналась ему?). Вот две строфы:

Как забуду? Он вышел, шатаясь [...].

Нельзя выразить лучше самолюбивого притворства Гумилева. Он весь в этом жутком спокойствии:

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

Но тут же сказались и его великодушная доброта, его христианская, несмотря ни на что, сущность. Он не только «простил» жену и выпил с улыбкой отравленную чашу, приняв ее из рук любимых как заслужен-

ную кару, но, чувствуя «смертельный хмель», соглашается на ее счастье с другим:

Знай, я больше не буду несчастным [...].<sup>19</sup>

В другом фрагменте черновика автор проиллюстрировал рассуждения о жестокости Гумилева известным четверостишием Ахматовой: «Муж хлестал меня узорчатым / Вдвое сложенным ремнем...».<sup>20</sup> В беловом варианте Маковский, заменил первый катрен стихотворения на последний («Как мне скрыть вас, стоны звонкие!...»), однако правка оставалась вполне узнаваемой для современников и могла послужить импульсом для аккуратной, но настойчивой полемики. Так, следующий абзац из мемуаров И. Одоевцевой, представляющий собой диалог Гумилева со своей ученицей, можно расценить как имплицитный спор как с указанным фрагментом воспоминаний Маковского, так и с его методом в целом:

– [...] Да, конечно, были стихи, которые я не хотел, чтобы она печатала, и довольно много. Хотя бы вот:

Муж хлестал меня узорчатым

Вдвое сложенным ремнем...

Ведь я, подумайте, из-за этих строк прослыл садистом [...].

Я не выдерживаю и хохочу, представляя себе эту нелепую картину. Он круто останавливается.

– Смеетесь? А мне, поверьте, совсем не до смеха было. Я старался убедить ее, что таких выдумок нельзя печатать, что это неприлично – дурной вкус и дурной тон. И не следует писать все время о своих вымышленных любовных похождениях и бессердечных любовниках. Ведь читатели все принимают за правду и создают биографию поэта по его стихам (Лекманов, 2020, с. 198).

Изучение черновиков тем не менее показывает, насколько Маковский в беловом варианте старается ограничить себя в подобном «буквалистском» подходе. На полях черновика он делает для себя примечание, которое перейдет в основной текст: «...Или это одна “литература”, а все кокетства Ахматовой и даже умственные увлечения ничем серьезным не кончались, и не было вовсе “того другого”?» (Маковский, 2000, с. 224).

Существенные ограничения касаются также и характеристик главных героев эссе. В черновиках образ Гумилева предстает более сниженным – автор неоднократно упоминает о его напыщенности и чрезмерной любвеобильности:

*В черновике:* Она была *единственной* – в этом я теперь убежден. Хотя за десять последующих лет (после нашей встречи в вагоне), ~~было и у Гумилева, и у Ахматовой~~ столько «возлюбленных» оказалось на пути Гумилева: за *три предсмертных года при большевиках в Петербурге он*

был два раза «женат» ~~три раза~~, а<sup>21</sup> проходящим увлечениям и счета нет!<sup>22</sup>

*В публикации:* Что она была единственной – в этом я и теперь убежден, хотя за десять последующих лет столько «возлюбленных» оказалось на пути Гумилева; его проходящим увлечениям и счета нет!<sup>23</sup>

В черновике: Удивительна в Гумилеве эта Дисгармония. Она ощущалась и в житейской и в писательской его личности. *Несмотря на свое «отчаяние», он любил, как редко кто, веселые шутки с мистификацией, кутнуть в мужской компании, ночь прображничать в «Бродячей собаке» и увивался за первой попавшейся юбкой.* Для меня оставалось ~~загадкой~~ проблемой и то, почему смешно-претенциозный в жизни (особенно в литературных спорах), он был так обдуманно-меток и осторожен в своих критических статьях.<sup>24</sup>

*В публикации:* Удивительна в Гумилеве эта Дисгармония. Она ощущалась и в житейской и в писательской его личности. Для меня оставалось проблемой и то, почему смешно-претенциозный в жизни (особенно в литературных спорах), он был так обдуманно-меток и осторожен в своих критических статьях (Маковский, 2000, с. 227-228).

С другой стороны, и образ Ахматовой также оказывается менее вызывающим сочувствие, чем в беловом варианте:

*В черновике:* Родившегося зимой 1912 года у Анны Андреевны сына, которого крестили Львом, вынянчила мать Гумилева, Анна Ивановна (в «Слепневе», родовом именице Тверской губернии, унаследованном ею и старшей сестрой Варварой, от брата Льва Ивановича Львова). *О мальчишке как-то никто не вспоминал в литературных кругах, Гумилев – меньше всего. А Ахматова в стихах называла себя «дурной матерью» и, заметая следы, в известном стихотворении («Слава тебе, безысходная боль, умер вчера сероглазый король») обратила сына в дочку и оплакивала ее отца, будто бы погибшего на охоте.*<sup>25</sup>

*В публикации:* Родившегося зимой 1912 года у Анны Андреевны сына, которого крестили Львом, вынянчила мать Гумилева, Анна Ивановна (в «Слепневе», родовом именице Тверской губернии, унаследованном ею и старшей сестрой Варварой, от брата Льва Ивановича Львова, адмирала флота в отставке). Ахматова в стихах называла себя «дурной матерью», но всю свою последующую жизнь она показала, что это неправда. (Маковский, 2000, с. 226)

Выстраивая канву взаимоотношений поэтов, наибольшие трудности Маковский испытывал в ответе на вопрос о любви супругов. Черновик, машинопись и публикация демонстрируют различные варианты – от резко отрицательного ответа до наиболее приемлемого компромисса:



*Черновик:* Анна Андреевна любила мужа. А он? Как пренебрежительно небрежно, занятый собой, своими стихами и успехами, заперев в клетку ее, пленную птицу, он свысока утверждал свое мужское превосходство, следуя Ницше, сказавшему (в «Заратустре» кажется): мужчина – воин, а женщина – для отдохновения воина.<sup>26</sup>

*Машинопись:* Анна Андреевна неизменно любила мужа. А он? Любил, конечно, (насколько мог) Но занятый собой, своими стихами [...].<sup>27</sup>

*Публикация:* Анна Андреевна любила мужа. Любил и он... насколько мог. Но занятый собой [...] (Маковский, 2000, с. 224).

По всей видимости, эти и другие правки Маковский вносил не только по этическим соображениям, но и следуя сформировавшейся в эмигрантской мемуаристике литературной репутации Гумилева и Ахматовой и модели их супружеской жизни. Начиная с конца 1920-х годов в эмигрантской критике закрепляется представление о Гумилеве как трагической личности,<sup>28</sup> поэте, загубленном советской властью (Тименчик, 2018). В свете этого многие отрицательные черты его характера начинают интерпретироваться авторами воспоминаний в более «возвышенном» регистре. Так, гипертрофированное стремление к противоположному полу по преимуществу описывается как донжуанство,<sup>29</sup> а супружеские отношения в целом приобретают характер «рокового» поединка двух талантливых поэтов.<sup>30</sup>

Вместе с тем в беловом варианте Маковский оставляет несколько нелицеприятных характеристик Гумилева, но иного рода и касающихся раннего периода их знакомства:

Особенно протестовал Вячеслав Иванов, авторитет для аполлоновцев непререкаемый. Сколько раз корил он меня за слабость к Николаю Степановичу! Удивлялся, как мог я поручить ему «Письма о русской поэзии», иначе говоря – дать возможность вести в журнале «свою линию». «Ведь он глуп, – говорил Вячеслав Иванов, – да и плохо образован, даже университета окончить не мог, языков не знает, мало начитан» (Маковский, 2000, с. 210).

Сохраняя этот и подобные ему фрагменты, Маковский выстраивает и собственный образ, определяя для себя достойное место в системе координат Серебряного века: проницательного и успешного организатора и – что немаловажно – первооткрывателя талантов.<sup>31</sup>

Наибольший интерес вызывают несколько кардинальных правок Маковского. Например, в беловом варианте при описании внешности Гумилева он делает акцент на нескольких деталях портрета:

Юноша был тонок, строен, в элегантном университетском сюртуке, с очень высоким, темно-синим воротником (тогдашняя мода), и причесан на пробор тщательно. Но лицо его благообразием не отличалось:



бесформенно-мягкий нос, толстоватые бледные губы и немного косящий взгляд (*белые точеные руки*<sup>32</sup> я заметил не сразу) (Маковский, 2000, с. 208).

В черновике, однако, Маковского привлекает другое: «(*красивые синие глаза* я заметил не сразу)».<sup>33</sup>

Колебания автора заметны уже в машинописи, где присутствуют и глаза (но уже другого цвета), и добавлены руки: «...*Белые точеные руки и красивые голубые глаза* я заметил не сразу».<sup>34</sup>

Как представляется, подобная замена произошла в первую очередь снова под влиянием текстов других мемуаристов. В воспоминаниях Анны Гумилевой (1990, с. 111-112, свояченицы поэта), опубликованных в *Новом журнале* (1956, № 46), дан весьма близкий портрет молодого поэта:

Вышел ко мне молодой человек 22-х лет, высокий, худощавый, но очень гибкий,

приветливый, с крупными чертами лица, с большими *светло-синими, немного*

*косившими глазами*, с продолговатым овалом лица, с красивыми шапеновыми гладко

причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, необыкновенно *тонкими*

*красивыми белыми руками*.

И далее: «Заставала его сидящим в большом глубоком кресле всегда с пером в его “*как точеной*” руке» (Гумилева, 1990, с. 129).

Мемуары других литераторов тоже чаще всего изображают две портретные черты героя: одну – неприглядную – косящие, но серые глаза,<sup>35</sup> другую – «компенсирующую» – красивые руки.<sup>36</sup> В очерке ‘Гумилев по личным воспоминаниям’ поэт снова меняет цвет глаз и становится уже сероглазым: «Бровей и тогда почти не было, но чуть прищуренные и *косившие серые глаза* с длинными светлыми ресницами, видимо, обвораживали женщин» (Маковский, 1990, с. 74). Не исключено, что Маковский корректирует портрет своего героя также и в соответствии со стихотворными константами поэтического облика Гумилева по стихотворным текстам Ахматовой (образ «сероглазого юноши» («Сероглаз был высокий мальчик...»)).

Приведем еще один яркий пример принципиальной правки. Имя Анны Энгельгардт, второй жены Гумилева, упоминается в очерке лишь эпизодически, однако работа над ее психологическим портретом детально раскрывает метод Маковского. В черновике он пишет о ней вполне нейтрально, подчеркивая ее достоинства: «...Гумилев, женившийся пред тем на молоденькой и красивой и *очень неглупой* девушке –

Анне Энгельгардт». <sup>37</sup> В первой машинописи ее характеристики корректируются, но не радикально: «Анна Николаевна Энгельгардт, молодая, хорошенькая, но *незначительная* девушка». <sup>38</sup> В публикации к характеристике прибавляется эпитет, который существенно меняет созданное ранее описание: «Анна Николаевна Энгельгардт, молодая, хорошенькая, но *умственно незначительная* девушка» (Маковский, 2000, с. 226). Маковский, уехавший из Петербурга в мае 1917 года, не был лично знаком с Энгельгардт, поэтому в работе над мемуарами вновь доверился сложившемуся на тот момент в мемуаристике образу второй жены Гумилева. <sup>39</sup> Как представляется, большую роль в этом сыграло мнение Одоевцевой, впоследствии неоднократно ревностно подчеркивавшей как внешнюю миловидность, так и глупость новой жены своего учителя: «Аня Энгельгардт казалась четырнадцатилетней девочкой не только по внешности, но и по развитию. Очень хорошенькой девочкой, с большими темными глазами и тонкими, прелестными веками» (Лекманов, 2020, с. 112).

Этот факт позволяет поставить вопрос о сформировавшейся на тот момент иерархии мемуарных текстов, освещающих образ Гумилева. Внушительный перечень имен современников, мемуаристов и исследователей (Н. Берберова, В. Жирмунский, Г. Завалишин, Г. Иванов, Г. Месняев, И. Одоевцева, Н. Оцуп, Г. Струве, В. Ходасевич и др.), встречающийся в очерке, помогает автору создать своеобразное общее пространство диалога, ведя который, он, Маковский, соглашается далеко не со всеми. <sup>40</sup> Наиболее ярко это прослеживается в черновиках, где есть и вычеркнутые полемические фрагменты. <sup>41</sup> Правки Маковского, а также хронология событий после 1917 года, которую он воссоздает по воспоминаниям других мемуаристов, позволяет заключить, что наиболее авторитетными текстами для него являются *Некрополь* В. Ходасевича, <sup>42</sup> *Петербургские зимы* Г. Иванова и газетные публикации *На берегах Невы* И. Одоевцевой (см., например: Одоевцева, 1962), позже составившие одноименную книгу. <sup>43</sup> Судя по всему, Маковский неоднократно и лично консультировался с Г. Ивановым и Одоевцевой, что отражено и в мемуарах: «Об этой “стреле” Левинсона напомнил мне, в письме о моей характеристике Гумилева, подтверждая мое мнение о его малообразованности, – Георгий Иванов» (Маковский, 2000, с. 210). В письме Г. Иванова к Маковскому от 19 декабря 1957 года также содержатся следы обсуждений: «Очень радуюсь Вашему успеху с лекцией о Гумилеве (Форштетер по моему <sic> хотя на мой вкус чересчур “сдержано” <sic> но все-таки “на уровне” написал) <sup>44</sup> и с очень большим вниманием-интересом читаю блестящего Анненского». <sup>45</sup>

В рассмотренном выше эпизоде с Анной Энгельгардт примечателен еще один принципиальный момент. Во второй машинописи замечание

о ней выглядело несколько иначе: «Анна Николаевна Энгельгардт, как мне рассказывали, молодая, хорошенькая, но умственно незначительная девушка».<sup>46</sup> Несмотря на то что ссылка на источник дана предельно размыто, сообщение об этом в беловом варианте исчезает. Маковский тем самым делает своеобразный жест присвоения культурной памяти, передавая события и явления, свидетелями которых были его современники (но не он сам), как свои собственные.<sup>47</sup>

По сути, воспоминания Маковского после 1917 года – это наглядный пример компиляции общей памяти, как в случае с Гумилевым, так и в других эссе. Так, в эссе «Как вспоминается мне Блок», значительная часть которого отведена под рассуждения о поэме «Двенадцать» (1918), Маковский (1956, с. 4–5) приводит фрагмент своего диалога с поэтом:

Блок не терпел «объяснять» своих стихов, – имеющие уши да слышат. Неоднократно пробовал я вызывать его на откровенность:

– У Владимира Сергеевича «Жена, облеченная в солнце», разве не... Россия? Когда вы обращаетесь к «Прекрасной даме», мне представляется тоже Россия...

Он улыбнулся неуловимой улыбкой:

– Да, может быть, Россия...

Возможность такого довольно интимного диалога между литераторами, относившимися друг к другу прохладно,<sup>48</sup> видится крайне маловероятной. При ближайшем рассмотрении становится очевидно, что эпизод из мемуаров Маковского воспроизводит известный фрагмент воспоминаний З. Гиппиус (2002, с. 27) «Мой лунный друг (О Блоке)»:

Чем дальше слушаю, тем ярче вспоминаю прежнего, юного, вечного Блока. Фаина? Вовсе не Фаина, а все та же Прекрасная Дама, Она, Дева радужных ворот, никогда – земная женщина. [...]

Я говорю невольно:

– Александр Александрович. Но ведь это же не Фаина. Ведь это опять Она.

– Да.

Еще несколько страниц, конец, и я опять говорю, изумленно и уверенно:

– И ведь Она, Прекрасная Дама, ведь Она – Россия!

И опять он отвечает так же просто:

– Да. Россия... Может быть, Россия. Да.

Изучение машинописи вновь расставляет все на свои места, поскольку здесь обнаруживается вычеркнутый фрагмент:

Блок не терпел «объяснять» своих стихов – имеющие уши да слышат! – но все-таки иногда удавалось вызвать его на откровенность. З.Н. Гиппиус в книге «Живые лица» рассказывает о Блоке, читающем ей «очень

блоковскую вещь»: Чем дальше слушаю, тем ярче вспоминаю прежнего, юного, вечного Блока. Фаина? Вовсе не Фаина, а все та же Прекрасная Дама, Она, Дева радужных ворот, никогда – земная женщина [...].<sup>49</sup>

Заимствование деталей или определенных характеристик, вообще говоря, не является уникальным случаем в мемуарной литературе. В рецензии на книгу *Николай Гумилев в воспоминаниях современников* Р.Д. Тименчик (1989, с. 252) так описывает этот принцип: «Пожалуй, главное, чем полезна предложенная нам сводная перепечатка мемуаров, так это тем, что наглядно демонстрирует, как из обнародованных мемуаров возникают следующие» (см. также: Глуховская, 2014). Однако в мемуарах Маковского обозначенный принцип обретает форму не простого влияния, но сознательно развиваемого приема. По всей видимости, писательская стратегия Маковского была амбициознее и значительно шире, чем стремление войти в эмигрантский пантеон авторов, уже оставивших свои воспоминания (Гиппиус, Иванов, Оцуп, Ремизов, Тэффи, Ходасевич и др.). Черновики и машинопись демонстрируют, что он тщательно выверял все цитаты и факты, касающиеся дат, имен и событий,<sup>50</sup> стремясь создать максимально верную, по его мнению, картину русского литературного Парнаса 1910-х годов.

Ради этого Маковский неоднократно спорит с теми, кто, на его взгляд, искажает события; мнение же современников, с которыми солидаризируется, он иногда опускает по умолчанию. Причем с течением времени этот принцип только усиливается. В *Портретах современников* по преимуществу даны именно воспоминания самого Маковского, и многие читатели отмечали ценность его свидетельств о Черубине де Габриак, в истории с которой он сыграл не последнюю роль (Добужинский, 1956, с. 298). В *Парнасе* же центонность начинает преобладать, а наброски к третьей книге, частично опубликованной (очерк ‘Николай Гумилев по личным воспоминаниям’), вопреки заглавию, содержат лишь незначительную часть этого личного. Тем самым мемуары Маковского в последнем очерке обретают новую жанровую структуру, сочетая в себе черты не только «мемуарных зарисовок и критических эссе» (Лавров, 1994, с. 481), но и литературной биографии. Основным ориентиром Маковскому здесь послужил один из первых биографических очерков о Гумилеве, помещенный Г. Струве в книге *Неизданный Гумилев* (Париж, 1952). Примечательно, что при составлении нового очерка жизни и творчества поэта в первом томе собрания сочинений Н. Гумилева Струве учел уже дополнения Маковского, в частности исключил фрагмент об учреждении *Академии стиха*, против которого Маковский протестовал ранее.<sup>51</sup> Судя по всему, становясь пространством, открытым для обсуждений,<sup>52</sup> мемуарные тексты эмиграции (в силу герметичности самой среды) при-

обретают более подвижную форму,<sup>53</sup> способствующую лучшему притяжению общественного внимания.

В этом, однако, нам видится принципиальная установка автора, в которой большую роль играет именно ориентация на публичную сферу. Начиная еще с 1900-х годов Маковский эффективно реализует многие общественно-культурные проекты как редактор нескольких крупных журналов (*Старые годы*, *Аполлон*) и устроитель художественных салонов. В 1950-е годы он вновь выходит на широкую общественную площадку. Как уже было замечено, до появления в книгах мемуарные эссе сперва излагались в виде лекций и потом обязательно печатались в периодике. Тем самым позиция Маковского получала максимально широкий охват аудитории, а для поколения исчезающей к концу 1950-х – началу 1960-х годов первой волны русской эмиграции было важно оставить свою завершённую версию той модернистской культуры, наследниками которой они себя считали. Объединение разных мнений об ушедшей эпохе в общий непротиворечивый нарратив, безусловно, способствовало утверждению и укреплению общей культурной памяти.

Важна при этом и идея завершенности и всеохватности, которую Маковский пытался осуществить всеми силами. Обе книги воспоминаний стремятся к тому, чтобы обрисовать культурно-общественную жизнь Серебряного века с разных сторон: живопись, литература, философия. Кроме того, мемуары чаще не выхватывают определенный фрагмент из биографии героя, а прослеживают его жизнь вплоть до ее конца.<sup>54</sup> Для этого Маковский вновь прибегает к текстам современников и заполняет их свидетельствами пробелы в собственных знаниях. Так, в очерке ‘Николай Гумилев по личным воспоминаниям’ описание семейного отдыха в Слепневе и встречи с Машей Кузьминой-Караваевой даны по мемуарам А. Гумилевой и Д. Бушена (Маковский, 1990, с. 86),<sup>55</sup> а финал, повествующий о последних месяцах жизни Гумилева, состоит из обширных цитат из *Некрополя* Ходасевича (Маковский, 1990, с. 100-103).<sup>56</sup>

Идея сохранения культурной памяти оказывается крайне актуальной и острой в эмиграции и, судя по всему, Маковский не только репрезентировал, но и сам себя воспринимал как официального представителя уходящей эпохи, «последнего из могикан»,<sup>57</sup> поэтому не рассматривал свое заимствование из других мемуарных источников или ориентацию на них как действие, нарушающее чьи-то авторские права. Примечательно при этом, что ни один из рецензентов не обратил внимания на переключки с уже имеющимися мемуарными и биографическими текстами и не усомнился в подлинности написанного литератором или легитимности подобного подхода к материалу. Напротив, именно с помощью мемуаров, старательно выверенных в фактах, концептуально выстроенных<sup>58</sup> и

сводящих воедино опыт предыдущих мемуаристов, роль Маковского – хранителя памяти – была полностью реализована и поддержана в общественном сознании младших современников. В некрологе Маковскому Терапиано (1962, с. 6-7) писал:

В литературной жизни эмиграции, особенно в послевоенный период ее существования, Сергей Константинович играл большую роль. Он, во-первых, был «живым примером», «живой памятью» ушедших времен для послевоенного поколения новой и прежней эмиграции, хранителем журнальных традиций и обычаев, а особенно – чистоты русского языка. [...] «Младшие», естественно, с увлечением слушали рассказы Сергея Константиновича и постоянно твердили ему, что он обязан закрепить свой опыт в книге воспоминаний.!

### Примечания

1. Эта характеристика неоднократно повторялась Ахматовой и была поддержана другими литераторами. См., например, письмо К. Чуковского к И. Берлину от 10 октября 1965 года: «...Гордо, сурово и поделом осудила и Георгия Иванова, и Маковского (за вранье и сплетни)» (Цит. по: Тименчик, 2012).
2. Исключение представляет посвященная мемуарам глава в биографии Маковского, составленной Т. Лебедевой, не лишенная, однако, широких обобщений (Лебедева, 2004, с. 282–335; 399–463), а также довольно сжатая, но емкая характеристика мемуаров Маковского, данная А.В. Лавровым в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (1994, с. 481). На книги также были написаны рецензии: Г. Струве в «Гранях» (Струве, 1955), М. Добужинского в «Новом журнале» (Добужинский, 1956), З. Шаховской в «Возрождении» (Шаховская, 1962) и Ю. Терапиано в «Русской мысли» (Терапиано, 1962, 1964).
3. Впервые оно было опубликовано под заглавием «Н.С. Гумилев» в журнале «Грани» (1957, № 36). Еще годом ранее в рецензии на «Портреты современников» Добужинский посетовал: «Надо пожалеть, что в книгу не вместились “портреты” многих первостепенных поэтов тогдашнего времени: Блока, Гумилева, Кузмина, Гиппиус, Ахматовой, Сологуба» (Добужинский, 1956, с. 298). Маковский чутко отозвался на запрос аудитории, и уже в следующей книге поместил не только главу о Гумилеве, но и о Блоке и З. Гиппиус.
4. Судя по многочисленным повторам и правкам, очерк не закончен, однако он все же был опубликован посмертно в «Новом журнале» (1964, кн. 77) и перепечатан в книге «Николай Гумилев в воспоминаниях современников» (Дюссельдорф, Маковский, 1990).

5. См. характерную цитату Г. Струве из рецензии на «Портреты современников»: «С.К. Маковский – едва ли не последний из могижан – после смерти в 1949 г. Вячеслава Иванова – того периода русской литературы, который с недавних пор стало принято называть “серебряным веком”» (Маковский, 1955, с. 208). Как замечает А. Долинин (2018, с. 23), рецензию Струве Маковский не только читал, но и, судя по всему, именно оттуда мог заимствовать заглавие для своей второй книги.
6. Так, например, в 1960 году выходит сборник М.А. Форштетера «Избранные стихотворения» с предисловием Маковского; несколькими годами ранее в письме к Маковскому Н. Оцуп также упоминает о нем: «Увидеться с Вами и познакомиться с М.А. Форштетером был бы рад» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 2). В 1961 году И. Одоевцева при посредничестве Маковского выпускает книгу *Десять лет*. В письме от 19 декабря 1957 года она пишет ему: «Спасибо Вам за хлопоты о моей книге. Обратите внимание, как послушалась Ваших советов. Корректуру я подогнала, как раз под 39 страниц, и теперь нахожу, что все в порядке» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 6–7).
7. Там же. Ед. хр. 76.
8. Всего в тетради предполагалось восемь конспектов. На первой странице представлено оглавление: «1. Андрей Белый. “Записки Чудака”, 1922. 2. Андрей Белый. Начало века. 1933 (о Гиппиус). 3. Ин. Анненский “Они” (Аполлон № 3). 4. М. Кузмин “О прекрасной ясности”, 5. Н. Гумилев “Сон Адама”, 6. René Ghil. 7. Жирмунский. О современниках (Гумилев, Мандельштам, Ахматова, Зайцев). 8. Булгаков “Искусство и литургия”» (Там же. Л. 1).
9. Например, наблюдение Жирмунского о Музе Дальних Странствий Гумилева Маковский отмечает в конспекте плюсом (Там же. Л. 26) и помещает его в мемуары (Маковский, 2000, с. 212).
10. Приведем один из ряда примеров с комментариями Маковского в скобках: «В противоположность этому стихи Ахматовой не мелодичны, не напевны (?!), при чтении они не поются (?), и не легко было бы положить их на музыку (вздор!)» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 33). Ср. с рассуждениями Маковского в воспоминаниях: «Вкус у нее куда безусловней его (Гумилева. – А.Ч.) вкуса, поэтический слух, не говоря об уме, гораздо тоньше. Ее строки всегда поют, и в них глубоко пережитого чувства больше, чем внешнего блеска» (Маковский, 2000, с. 226). Заметим, впрочем, что в другом фрагменте эссе Маковский вступает и в открытую полемику с Жирмунским. См. об этом подробнее в нашей статье: (Чабан, 2022).



11. Записная книжка «С.К. Маковский. Стихотворения Ахматовой» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 70). Выписки из стихотворений Гумилева сделаны из подборки Г. Струве, впервые опубликованной в «Новом журнале» (1944, № 8). Маковский, по его собственному признанию, располагал «регенсбургским четырехтомником» (Гумилев, 1947), книгой «Неизданный Гумилев» (Струве, 1952), а также рядом публикаций в «Новом журнале» (1944, № 8).
12. С.К. Маковский, «Тетради с заметками и выписками из стихотворений А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, И. Коневского и др.» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 70).
13. См.: «Ахматова встретила с ним в эвакуации в Ташкенте (18, т. 1, с. 377–378). Документами их встреч остались стихотворения и фрагменты Ахматовой, внесенные Эфросом в подборку «Стихи, не вошедшие в ее книги», датированную 25 апреля 1945 г.» (Тименчик, 2020, с. 298).
14. Некоторые современники называли сделанную Эфросом подборку именно книгой. Так, Р. Тименчик приводит фрагмент из мемуаров Н. Кузьмина 'Ольга Гильдебрандт': «неопубликованной и не собранной в книги лирикой 1924–1946 годов, как и с «Поэмой без героя» в Ташкентской редакции, по машинописи из собрания А.М. Эфроса». (Там же, с. 300).
15. Как указывает Ахматова: «...Рецензий на нее (книгу стихов 1943 года. – А.Ч.) не было, и ее было запрещено рассылать по стране» (Ахматова, 1998, с. 641).
16. Из книги 1943 г. Выписано два стихотворения: 'Возвращение' ('Все души милых на высоких звездах...') и 'Надпись на книге' ('Почти от залетейской тени...'). В тетради встречаются и тексты, напечатанные в советских газетах и журналах 1940-х годов: 'Отрывок' ('Так под кровлей Фонтанного дома...') («Ленинград», №10-11, 1944), 'Вечерняя комната' ('Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...') («Звезда», № 2, 1945), 'Я в долгу у многого, что хочет...' («Ленинград», №10-11, 1944), 'Надпись на книге' (Сборник «Избранные стихи». Сов. Писатель. 1943), 'В Ташкенте' ('Заснуть огорченной...') («Ленинград», №10-11, 1944), 'Вступление' ('Все небо в рыжих голубях...') («Звезда», №2, 1945), 'Из Ленинградского цикла' ('А вы, друзья последнего призыва...'), (Знамя, №14, 1945), 'Подмосковное' ('Ленинград', №10 [так! – А.Ч.], 1944), 'Победа' («Правда», 20 мая). Выборочный характер этих выписок, как представляется, также свидетельствует о том, что с текстами Маковский ознакомился опосредованно.

17. Зачеркнуто в документе. Далее во всех аналогичных случаях обозначение такое же.
18. Маковский. Тетрадки с заметками и выписками из стихотворений А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, Ю.П. Адарченко, И. Коневского и др. // РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 31.
19. Маковский С. К. Гумилев. (По воспоминаниям). Статья. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 111.
20. Там же. Л. 109.
21. Курсивом выделены фрагменты, впоследствии удаленные автором, остальные обозначения перенесены из текста.
22. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 35.
23. Ср. у Одоевцевой: «Я уверена, что Ахматова была главной любовью Гумилева и что он до самой своей смерти – несмотря на свои многочисленные увлечения – не разлюбил ее» (Лекманов, 2020, с. 421).
24. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 118.
25. Там же. Л. 115.
26. Там же. Л. 38.
27. Там же. Ед. хр. 44. Л. 108.
28. Ср. с образом Гумилева у Г. Иванова: «...От природы робкий, застенчивый, болезненный человек, Гумилев “приказал” себе стать охотником на львов, уланом, добровольно пошедшим воевать и работавшим два Георгия, заговорщиком. То же, что с собственной жизнью, он проделал и над поэзией. Мечтательный грустный лирик, он стремился вернуть поэзии ее прежнее значение, рискнул сорвать свой чистый, подлинный, но негромкий голос, выбирал сложные формы, “грозовые” слова, брался за трудные эпические темы» (Иванов, 1994, с. 171).  
У Маковского: «Нежность и безысходная грусть, с легкой усмешкой по своему адресу, переходящая то и дело в трагическое вещание... Но трагизм этой любви – не в ней самой, а в том, что она неразлучна с мыслью о смерти» (Маковский, 2000, с. 214).
29. Ср. в мемуарах Одоевцевой: «Да, конечно, – продолжает он, – теперь я сознаю, я был во многом виноват. Я очень скоро стал изменять ей. Ведь “Святой Антоний может подтвердить, что плоти я никак не мог смирить”. Но я не видел греха в моих изменах. Они, по-моему, прекрасно уживались с моей бессмертной любовью» (Лекманов, 2020, с. 427).
30. См., например, в мемуарах Г. Иванова: «Непонятно, почему Гумилев так раздражается, когда говорят о его жене как о поэтессе?»

А Гумилев действительно раздражается. Он тоже смотрит на ее стихи как на причуду “жены поэта”. И причуда эта ему не по вкусу. Когда их хвалят – насмешливо улыбается.

– Вам нравится? Очень рад. Моя жена и по канве прелестно вышивает. [...]

Гумилев, с недовольной гримасой, стучит папиросой о портсигар.

– Я прочту.

[...] Вячеслав Иванов молчит минуту. Потом встает, подходит к Ахматовой, целует ей руку.

– Анна Андреевна, поздравляю вас и приветствую. Это стихотворение – событие в русской поэзии» (Иванов, 1994, с. 56).

У Одоевцевой также присутствует мотив «поединка», хотя инициатором его является уже Ахматова: «Ей по-прежнему хотелось вести со мной “любовную войну” по Кнуту Гамсуну – мучить и терзать меня, устраивать сцены ревности с бурными объяснениями и бурными примирениями. Все, что я ненавижу до кровомщения. Для нее “игра продолжалась”, азартно и рискованно. Но я не соглашался играть в эту позорную, ненавистную мне игру. Мы оба были разочарованы» (Лекманов, 2020, с. 426).

Ср. с противоположным описательным дискурсом семейных отношений поэтов в метрополии. У Чуковского: «...Когда Анна Андреевна была женой Гумилева, они оба увлекались Некрасовым, которого с детства любили. Ко всем случаям своей жизни они применяли некрасовские стихи. Это стало у них любимой литературной игрой. Однажды, когда Гумилев сидел поутру у стола и спозаранку прилежно работал, Анна Андреевна все еще лежала в постели. Он укоризненно сказал ей словами Некрасова:

“Белый день занялся над столицей.

Сладко спит молодая жена,

Только труженик муж бледнолицый

Не ложится, ему не до сна...”

Анна Андреевна ответила ему такой же цитатой:

...на красной подушке

Первой степени Анна лежит» (Чуковский, 2001, с. 226).

31. Ср. эпизод с первой публикацией Ахматовой в «Аполлоне», предысторию которой Маковский излагает следующим образом: «Как-то Гумилев был в отъезде, зашла она к моей жене, читала стихи. Она еще не печаталась в журналах, Гумилев “не позволял”. Прослушав некоторые из ее стихотворений, я тотчас же предложил поместить их в «Аполлоне». Она колебалась: что скажет Николай Степанович, когда вернется? Он был решительно против ее писательства. Но я

настаивал: “Хорошо, беру на себя всю ответственность. Разрешаю вам говорить, что эти строфы я попросту выкрал из вашего альбома и напечатал самовластно”. Так и условились... Стихи Ахматовой, как появились в “Аполлоне”, вызвали столько похвал, что Гумилеву, вернувшемуся из “дальних странствий”, оставалось только примириться с *fait accompli*» (Маковский, 2000, с. 225).

32. Здесь и далее выделено мною – А.Ч.
33. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 4.
34. Этот вариант сохранился и в первой журнальной публикации: (Маковский, 1957, с. 133).
35. Маковский мог также ориентироваться на известный портрет Гумилева, выполненный в 1909 году О.Л. Делла-Вос-Кардовской. На портрете глаза Гумилева кажутся синеватыми, хотя сама художница впоследствии (в 1925 году) вспоминала: «Его внешность была незаурядная – какая-то своеобразная острота в характере лица, оригинально построенный, немного вытянутый вверх череп, большие серые слегка косившие глаза, красиво очерченный рот. В тот период, когда я задумала написать его портрет, он носил небольшие, очень украшавшие его усы. Бритое лицо, по-моему, ему не шло... [...] Николай Степанович позировал мне стоя, терпеливо выдерживая позу и мало отдыхая. Портрет его я сделала поколенным. В одной руке он держит шляпу и пальто, другой поправляет цветок, воткнутый в петлицу. Кисти рук у него были длинные, сухие. Пальцы очень выхоленные, как у женщины» (Делла-Вос-Кардовская, 1991, с. 30–33).
36. См., к примеру, у Одоевцевой: «Узкие руки с длинными ровными пальцами, похожими на бамбуковые палочки, скрещены на столе» (Лекманов, 2020, с. 31). Приведем еще несколько отрывков из ее воспоминаний: «Гумилев спустится с нее, низко поклонится мне и пожмет мне руку своей длинной, узкой рукой» (Там же, с. 39); «И указывает своим непомерно длинным указательным пальцем на листы со стихами» (Там же, с. 40); «Боюсь, что никто, – и вдруг протянул руку, длинным пальцем указывая на меня, – кроме вас» (Там же, с. 52); «Много званых, мало избранных, – и он поднимал, как бы призывая небо в свидетели, свою узкую руку» (Там же, с. 55). См. также ряд аналогичных примеров (Там же, с. 470).
37. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 62.
38. Там же. Л. 113.
39. О собирательном портрете Энгельгардт в мемуаристике подробнее см.: (Шубинский, 2015, с. 509-511). Заметим, что в последующих эссе Маковский сохранит этот образ Энгельгардт: «Вскоре состоялся его развод с Анной Андреевной (1918) и “регистровал” он свою

связь с Анной Николаевной Энгельгардт, очень привлекательной, но не блещущей умом девушке двадцати лет, учившейся писать стихи у мэтра в “Цехе поэтов”». В кратком конспекте к последнему эссе Маковский также будет придерживаться этого мнения: «Женился на Анне Энгельгардт. Не любил ее: красивая, но не умная» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 42).

40. С Месняевым Маковский не соглашается, вспоминая интерьер дома Гумилевых в Царском Селе (Маковский, 1990, с. 91); в изданном Завалишиным собрании сочинений Гумилева он отмечает много небрежностей; исправляет неточность Г. Струве в вопросе участников «Общества ревнителей художественного слова» (Маковский, 1990, с. 82); полемизирует с В. Жирмунским о лирическом портрете Гумилева (Маковский, 2000, с. 212) и т.д.
41. Так, например, Маковский не упускает возможности вступить в полемику с уже умершим Ходасевичем, объясняя эпизод из «Некрополя», который подспудно относится и к нему. Ходасевич описывает, как, придя в квартиру Гумилева, он обнаружил там собственную мебель, оставшуюся от уехавшего Маковского. «Меня очень позабыл этот рассказ Ходасевича. Ума не приложу, зачем понадобилось лгать ему, скрывая мою фамилию под буквой М., и говорить, что он в 1905 году “сделался случайно полуобладателем мебели”, действительно привезенной из “Лидина” (имение, унаследованное от матери Марины Эрастовны Рындиной) сначала в Царское Село), а затем (1916 г.) в Петербург. Я на ней женился (после ее развода с Ходасевичем). Когда после “февраля” уже в мае уехал в Крым вместе с [семьей] [...], передал с моей библиотекой, рукописями, делами и всю мою движимость на усмотрение “Аполлона” (будучи совершенно уверенным, что никогда больше к себе не вернусь). За время владения этой мебелью (из красного дерева), лично в ней я переделал: из бильярда сделал огромный стол, из многостворчатой ширмы – книжные шкафы с книжками под стеклом и т.д. Лишенное мебели, Лидино пошло с молотка за долги. Никаких предметов Ходасевич не увозил в Москву. Кичиться перед Гумилевым (отлично знавшим “историю” моей женитьбы) лидинским красным деревом было с его стороны проявлением смешной хвастливости. Ходасевич был одареннейшим поэтом и умнейшим критиком, мы долго и дружно работали вместе в эмиграции, поэтому кажется мне не лишним эта характерная для него ложь» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 67).
42. О «Некрополе» см. комментарии Н. Богомолова: (Ходасевич, 2001, с. 391-443). О влиянии Ходасевича см. далее.

43. Мемуары Оцупа также находятся в наиболее близком цитатном поле Маковского, однако ситуация с ними более противоречива. В недатированном письме Маковскому Оцуп несколько ревностно пишет: «Вы сказали мне у Иваска, что в своей статье о Н.С. Гумилеве оцениваете его в главном так, как я это сделал в моем докладе о нем и в “Опытах”. Прочел Ваши строчки в “Гранях”: они это подтверждают. При личной встрече скажу Вам о кое-каких маленьких неточностях статьи» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1). Вместе с тем в своем эссе Маковский открыто усомнился в истинности воспоминаний десятилетнего Оцупа о тесном знакомстве Гумилева и Анненского (Маковский, 1990, с. 75). Со временем полемика литераторов переходит из мемуаров на страницы периодики и продолжается уже после смерти главных фигурантов. В 1964 году в «Русской мысли» Ю. Терапиано (1964, с. 5) поддерживает сторону Оцупа, а в статье ‘И. Анненский и Н. Гумилев’ Г. Струве заключает, что «вопрос о личной близости Гумилева к Анненскому следует оставить открытым» (Струве, 1964, с. 282).
44. Имеется в виду заметка: (Форштетер, 1957).
45. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 12–13.
46. Там же. Ед. хр. 44. Л. 56.
47. См. также характерный комментарий: «О результатах студийной работы после революции я судить не могу. Знаю о ней, и то весьма приблизительно, с чужих слов, со слов одной из бывших “студиек”, моей парижской знакомой. По-прежнему молодые поэты читали стихи, которые критически обсуждали, а Гумилев высказывал свое мнение “мэтра”. Моя знакомая назвала мне несколько имен из неофитов Студии: Ирину Одоевцеву (исключительно одаренную), Н. Оцупа, Н. Берберову, Рождественского, А. Евреинову-Кашину, В. Лурье» (Маковский, 2000, с. 232).
48. Ср., к примеру, письмо Блока к Маковскому от 29 декабря 1909 года (Блок, 1963, с. 301).
49. РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 63.
50. К примеру, в черновиках Маковский исправляет дату рождения Льва Гумилева (с 1913 года на 1912-й); правит возраст Гумилева, в котором тот написал стихотворение ‘Баллада’ (вместо 17 лет – 20); добавляет возраст поэта на момент их знакомства (22 года); помещает обширные справки из семейного древа Гумилевых вплоть до добавленного среднего сына В.Д. Кузьмина-Караваева (дальнего родственника по материнской линии); уточняет фамилию генерала, под началом которого был гумилевский лейб-гвардии гусарский полк (исправляет Лохвицкого на Заневича) и т.д.

51. См. следующий фрагмент: «Тут, кстати, во имя восстановления исторической точности, необходимо исправить более чем неточность одного из биографов Гумилева – Глеба Струве. В своей вышедшей в 1952 году книжке, озаглавленной “Неизданный Гумилев”, он так излагает учреждение “Общества ревнителей художественного слова”: “По почину Гумилева в Петербурге, под руководством Вячеслава Иванова и при ближайшем участии Н.В. Недоброво и В.А. Чудовского, была организована „Академия стиха“, позднее переименованная в „Общество ревнителей художественного слова””. Не понимаю, почему понадобилось Глебу Струве (в 1952 году) переиначивать ход событий, еще памятных многим петербуржцам. Ума не приложу. Если для того, чтобы не упоминать имени Анненского и моего, в угоду каким-то соображениям, то проще было совсем не говорить о том, как создалась «Поэтическая академия» при «Аполлоне». Ведь В. Чудовский появился в журнале больше чем на год позже учреждения Общества [...]. Царскосел Н.В. Недоброво, насколько я помню, стал появляться в “Обществе ревнителей” уже после смерти Анненского» (Маковский, 1990, с. 82–83).
52. См. также схожую ситуацию выхода из мемуарного пространства в журнальную полемику между сторонниками Оцуца и Маковского в примеч. 40.
53. Об «экспериментальной смелости» жанра мемуаров см.: (Гинзбург, 1976).
54. В этом плане показательно последнее эссе, «Николай Гумилев по личным воспоминаниям», начинающееся изложением данных о семействе Гумилевых (от деда – к внуку), приводящее подробное описание детства и ученичества поэта и заканчивающееся его гибелью.
55. В черновике, однако, ранее стояло имя С.Р. Эрнста (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 33).
56. См. характерное начало: «С большим волнением прочел я следующую страницу “Некрополя”» (Маковский 1990, с. 100).
57. См. примеч. 5. Об особом статусе Маковского в эмиграции 1950–1960-х гг. см. также в работе Н.А. Богомолова (Богомолов, 2002, с. 158).
58. См. об этом: (Чабан, 2022).

### **Declaration of competing interest**

I have no interest to declare.



**Список литературы**

- Ахматова, А.А., 1998. Стихотворения. Поэмы. Проза. Вступ. ст., сост. и примеч. Н. Гончаровой. Москва, с. 639–646.
- Без подписи, 1957. Чествование С.К. Маковского. В: Русская мысль 1137 (21 ноября), с. 5.
- Блок, А.А., 1963. Собрание сочинений: В 8 т. Под общ. ред. В.Н. Орлова. Т. 8: Письма. Москва, Ленинград.
- Богомолов, Н.А., 2002. Проект «Акмеизм». В: Новое литературное обозрение 58, с. 140–180.
- Гинзбург, Л.Я., 1976. О психологической прозе. Ленинград, с. 131–268.
- Гиппиус, З.Н., 2002. Мой лунный друг (О Блоке). В: Гиппиус, З.Н. Живые лица. Сост., вступ. ст. и коммент. А. Николукина. Москва, с. 5–45.
- Глуховская, Е.А., 2014. Эллис в воспоминаниях современников. В: Летняя школа по русской литературе, т. 2, с. 127–138.
- Гончарова, Н., 2000. «Фаты либелей» Анны Ахматовой, Москва.
- Гумилев, Н., 1947. Собрание сочинений: В 4 т. Под ред. Вяч. Завалишина. Т. 1. Ренгсбург.
- Гумилева, А., 1990. Николай Степанович Гумилев. В: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. Москва, с. 111–130.
- Делла-Вос-Кардовская, О.Л., 1991. Воспоминания о Н.С. Гумилеве. В: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Сост. и коммент. Ю.В. Зобнина и др. Ленинград, с. 30–34.
- Добужинский, М., 1956. Маковский С.К. Портреты современников. В: Новый журнал 44, с. 298–300.
- Долинин, А.А., 2018. Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952. В: Acta Slavica Estonica, вып. X. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, вып. XVI: Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX – первой половины XX вв.: К 90-летию со дня рождения З.Г. Минц. Отв. ред. Л. Пильд и Т. Степанищева. Тарту, с. 13–27.
- Иванов, Г., 1994. Петербургские зимы. В: Иванов, Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Москва, с. 5–220.
- Лавров, А.В., 1989. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого. В: Андрей Белый. На рубеже двух столетий: Воспоминания: В 3 кн. Кн. 1. Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. Лаврова. Москва, с. 5–32.
- Лавров, А.В., 1994. Маковский Сергей Константинович. В: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Глав. ред. П.А. Николаев. Т. 3. Москва, с. 479–482.
- Лебедева, Т.В., 2004. Сергей Маковский. Страницы жизни и творчества. Воронеж, с. 282–482.
- Лекманов, О.А., 2000. Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой. В: Новое литературное обозрение 46, с. 216–230.
- Лекманов, О.А., 2020. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Москва.
- Маковский, С., 1955. Портреты современников. Нью-Йорк.
- Маковский, С., 1956. Как вспоминается мне Блок. В: Русская мысль 921 (22 ноября), с. 4–5.

- Маковский, С., 1957. Н.С. Гумилев. В: Грани 36, с. 5-46.
- Маковский, С., 1990. Николай Гумилев по личным воспоминаниям. В: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. Дюссельдорф, с. 73-103.
- Маковский, С., 2000. На Парнасе Серебряного века. Москва.
- Михайлова, М.В., 1999. Пристрастный летописец эпохи. В: Чулков, Г.В. Годы странствий. Сост., подгот. текста и коммент. М.В. Михайловой. Москва, с. 3-10.
- Одоевцева, И., 1962. На берегах Невы. В: Русская мысль 1797 (8 февраля), с. 4-5.
- Пильд, Л.Л., 2010. О литературной судьбе и мемуарах Иеронима Ясинского. В: Ясинский, И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. В 2 т. Т. 1. Москва, с. 5-42.
- П.К., 1957а. Иннокентий Анненский – критик. В: Русская мысль 1125 (14 октября), с. 4.
- П.К., 1957б. О Гумилеве. В: Русская мысль 1140 (28 ноября), с. 4.
- Струве, Г., 1955. Летописец русского Ренессанса. В: Грани 25, с. 208-211.
- Струве, Г., 1964. И. Анненский и Н. Гумилев. В: Новый журнал 78, с. 280-285.
- Струве, Г., 1952. Неизданный Гумилев. Под ред. Г. Струве. Нью-Йорк.
- Терапиано, Ю., 1962. На Парнасе серебряного века. В: Русская мысль 1786 (13 января), с. 6-7.
- Терапиано, Ю., 1964. Н.С. Гумилев. В: Русская мысль 2205 (14 ноября), с. 5-6.
- Тименчик, Р.Д., 1989. К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой. В: Ахматовский сборник. Вып. 1. Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, с. 251-256.
- Тименчик, Р.Д., 2012. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. *Toronto Slavic Quarterly* 40. [www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/iz-imennogo-ukazatelya-k-zapisnym-knizhkam-ahmatovoj](http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/iz-imennogo-ukazatelya-k-zapisnym-knizhkam-ahmatovoj). (Дата обращения: 09.02.2024).
- Тименчик, Р.Д., 2014. Ахматова в 1960-е годы. Москва.
- Тименчик, Р.Д., 2018. История культа Гумилева. Москва.
- Тименчик, Р.Д., 2020. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос. В: Литературный факт 3 (17), с. 292-303.
- Форштетер, М., 1957. Н.С. Гумилев. В: Русская мысль 1147 (14 декабря), с. 4.
- Ходасевич, В., 2001. Некрополь. Сост. и коммент. Н.А. Богомолова. Москва, с. 391-443.
- Чабан, А.А., 2022. Концепция Серебряного века в литературе русской эмиграции первой волны: позиция С.К. Маковского. В: Русская литература 2, с. 78-87.
- Чуковский, К.И., 2001. Анна Ахматова. В: Чуковский, К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Современники: Портреты и этюды. Москва, с. 195-229.
- Шаховская, З., 1962. Сергей Маковский. На Парнасе Серебряного века. В: Возрождение 125, с. 114-117.
- Шубинский, В., 2015. Зодчий: Жизнь Николая Гумилева. Москва.

## References

- Akhmatova, A.A., 1998. *Stikhotvoreniia. Poemy. Proza. Vstup. st., sost. i primech. N. Goncharovoi*. Moskva, pp. 639–646.
- Bez podpisi, 1957. *Chestvovanie S.K. Makovskogo*. In: *Russkaia mysl' 1137*. 21 noiabria, p. 5.
- Blok, A.A., 1963. *Sobranie sochinenii: V 8 t. Pod obshch. red. V.N. Orlova*. T. 8: *Pis'ma*. Moskva, Leningrad.
- Bogomolov, N.A., 2002. *Proekt «Akmeizm»*. *Novoe literaturnoe obozrenie* 58, 140–180.
- Ginzburg, L.Ia, 1976. *O psikhologicheskoi proze*, pp. 131–268. Leningrad.

- Gippius, Z.N., 2002. *Moi lunnyi drug (O Bloke)*. In: Gippius, Z.N. (Ed.), *Zhivye litsa*, pp. 5–45. Sost., vstup. st. i komment. A. Nikol'iukina. Moskva.
- Glukhovskaia, E.A., 2014. *Ellis v vospominaniiakh sovremennikov. Letniaia shkola po russkoi literature 2*, 127–138.
- Goncharova, N., 2000. «Faty libelei» Anny Akhmatovoi, Moskva.
- Gumilev, N., 1947. *Sobranie sochinenii: V 4 t. Pod red. Viach. Zavalishina. T. 1. Regensburg*.
- Gumileva, A., 1990. Nikolai Stepanovich Gumilev. In: Nikolai Gumilev v vospominaniiakh sovremennikov. Moskva, pp. 111–130. Red.-sost., avtor predisl. i komment. V. Kreid.
- Della-Vos-Kardovskaia, O.L., 1991. *Vospominaniia o N.S. Gumileve*. In: *Zhizn' Nikolaia Gumileva: Vospominaniia sovremennikov*. Sost. i komment. Iu.V. Zobnina i dr. Leningrad, pp. 30–34.
- Dobuzhinskii, M., 1956. Makovskii S.K. *Portrety sovremennikov. Novyi zhurnal* 44, 298–300.
- Dolinin, A.A., 2018. *Propushchennye zven'ia v istorii termina «Serebrianyi vek»: 1946–1952*. In: *Acta Slavica Estonica*, vyp. X / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, vyp. XVI: *Serebrianyi vek v russkoi literature i kul'ture kontsa XIX – pervoi poloviny XX vv.: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z.G. Mints*. Tartu, pp. 13–27. Otv. red. L. Pil'd i T. Stepanishcheva.
- Ivanov, G., 1994. *Peterburgskie zimy*. In: Ivanov, G.V. (Ed.), *Sobranie sochinenii: V 3 t. T. 3*. Moskva, pp. 5–220.
- Lavrov, A.V., 1989. *Memuarnaia trilogiia i memuarnyi zhanr u Andreia Belogo*. In: Andrei, Belyi (Ed.), *Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniia: V 3 kn. Kn. 1*. Moskva, pp. 5–32. Vstup. stat'ia, podgot. teksta i komment. A. Lavrova.
- Lavrov, A.V., 1994. Makovskii Sergei Konstantinovich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Moskva, pp. 479–482. Glav. red. P.A. Nikolaev. T. 3.
- Lebedeva, T.V., 2004. *Sergei Makovskii. Stranitsy zhizni i tvorchestva. Voronezh*, pp. 282–482.
- Lekmanov, O.A., 2000. *Kontseptsiiia «Serebriianogo veka» i akmeizma v zapisnykh knizhkhakh A. Akhmatovoi. Novoe literaturnoe obozrenie* 46, 216–230.
- Lekmanov, O.A., 2020. «Zhizn' proshla. A molodost' dlitsia...» *Putevoditel' po knige Iriny Odoevtsevoi «Na beregakh Nevy»*. Moskva.
- Makovskii, S., 1955. *Portrety sovremennikov. N'iu-Iork*.
- Makovskii, S., 1956. *Kak vspominaetsia mne Blok*. In: *Russkaia mysl' 921. 22 noiabria*, pp. 4–5.
- Makovskii, S., 1957. In: Gumilev, N.S. (Ed.), *Grani*, vol. 36, pp. 5–46.
- Makovskii, S., 1990. Nikolai Gumilev po lichnym vospominaniiam. In: Nikolai Gumilev v vospominaniiakh sovremennikov, pp. 73–103. Red.-sost., avtor predisl. i komment. V. Kreid. Diussel'dorf.
- Makovskii, S., 2000. *Na Parnase Serebriianogo veka*. Moskva.
- Mikhailova, M.V., 1999. *Pristrastnyi letopisets epokhi*. In: Chulkov, G.V. (Ed.), *Gody stranstvii*. Moskva, pp. 3–10. Sost., podgot. teksta i komment. M.V. Mikhailovoi.
- Odoevtseva, I., 1962. *Na beregakh Nevy*. In: *Russkaia mysl' 1797. 8 fevralia*, pp. 4–5.
- Pil'd, L.L., 2010. *O literaturnoi sud'be i memuarakh Ieronima Iasinskogo*. In: Iasinskii, I. (Ed.), *Roman moei zhizni: Kniga vospominanii: V 2 t. T. 1*. Moskva, pp. 5–42.
- P.K., 1957a. *Innokentii Annenskii – kritik*. In: *Russkaia mysl' 1125. 14 oktiabria*, p. 4.
- P.K., 1957b. *O Gumileve*. In: *Russkaia mysl' 1140. 28 noiabria*, p. 4.
- Struve, G., 1955. *Letopisets russkogo Renessansa. Grani* 25, 208–211.
- Struve, G., 1964. *I. Annenskii i N. Gumilev. Novyi zhurnal* 78, 280–285.
- Struve, G., 1952. *Neizdannyi Gumilev. Pod red. G. Struve. N'iu-Iork*.
- Terapiano, Iu., 1962. *Na Parnase serebriianogo veka*. In: *Russkaia mysl' 1786. 13 ianvaria*, pp. 6–7.

- Terapiano, Iu., 1964. In: Gumilev, N.S. (Ed.), *Russkaia mysl'* 2205. 14 noiabria, pp. 5–6.
- Timenchik, R.D., 1989. K voprosu ob istochnikakh dlia zhizneopisanii Gumileva i Akhmatovoi. In: *Akhmatovskii sbornik*. Vyp. 1. Parizh, pp. 251–256. Sost. S. Dediulin i G. Superfin.
- Timenchik, R.D., 2012. Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi. *Toronto Slavic Quarterly* 40. [www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/iz-imennogo-ukazatelya-k-zapisnym-knizhkam-axmatovoj](http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/iz-imennogo-ukazatelya-k-zapisnym-knizhkam-axmatovoj). (Accessed 9 February 2024).
- Timenchik, R.D., 2014. *Akhmatova v 1960-e gody*. Moskva.
- Timenchik, R.D., 2018. *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moskva.
- Timenchik, R.D., 2020. Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi: A. Efros. *Literaturnyi fakt* 3 (17), 292–303.
- Forshteter, M., 1957. In: Gumilev, N.S. (Ed.), *Russkaia mysl'* 1147. 14 dekabria, p. 4.
- Khodasevich, V., 2001. *Nekropol'*. Sost. i komment. N.A. Bogomolova. Moskva, pp. 391–443.
- Chaban, A.A., 2022. Kontseptsiiia Serebrianogo veka v literature russkoi emigratsii pervoi volny: pozitsiia S.K. Makovskogo. *Russkaia literatura* 2, 78–87.
- Chukovskii, K.I., 2001. Anna Akhmatova. In: Chukovskii, K.I. (Ed.), *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 5: Sovremenniki: Portrety i etiudy*. Moskva, pp. 195–229.
- Shakhovskaia, Z., 1962. Sergei Makovskii. Na Parnase Serebrianogo veka. *Vozrozhdenie* 125, 114–117.
- Shubinskii, V., 2015. *Zodchii: Zhizn' Nikolaia Gumileva*. Moskva.